

АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ И УГРОЗ

18 апреля 2016 г. Российский совет по международным делам (РСМД) совместно с аналитическим агентством «Внешняя политика» провел круглый стол «*Развитие ситуации в Афганистане в 2016 г.*».

С приветственным словом выступил начальник отдела Афганистана Второго департамента Азии МИД РФ *Альберт Хорев*, который сообщил, что в сентябре 2016 г. истекает срок, в течение которого президент Афганистана должен был провести определенные реформы в стране, созвать «Лойя Джиргу» (всеафганский совет старейшин). Россия обеспокоена развитием негативных влияний на безопасность Афганистана и, в частности, на север Афганистана и выхода этих угроз в страны Центральной Азии. Также Россию, по словам дипломата, тревожит распространение так называемого Исламского государства (ИГ) в Афганистане и сохранение потенциала внутренней дестабилизации. Действия четырехсторонней контактной группы по национальному примирению не привели ни к каким результатам, отметил А.Хорев.

Директор Центра изучения современного Афганистана *Омар Нессер* считает, что неопределенность в Афганистане является, прежде всего, результатом допущенных за последние 14 лет ошибок, а также отсутствия четкой стратегии у США. Далее эксперт предложил несколько сценариев развития ситуации. Его долгосрочный прогноз на 10–15 лет носит умеренно оптимистический характер. Не исключено, что ситуация будет нормализоваться и это может произойти в результате консенсуса США и Китая, который играет все более и более активную роль в урегулировании афганского кризиса. Что касается краткосрочного периода (ближайших 3–5 лет), то все экспертные прогнозы показывают негативное развитие ситуации. Политический кризис будет оказывать ключевое влияние на вопросы безопасности. Он будет провоцировать межэтническую напряженность, а это может привести к процессам, направленным на децентрализацию власти в Афганистане. Это, в свою очередь, может привести к усилению позиций отдельных региональных лидеров.

Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН *Петр Топычканов* согласился, что даже на уровне Афганистан-Пакистан не существует единого понимания угроз. Те оппозиционеры, которые участвуют в диалоге с Афганистаном, Пакистаном и Китаем, связаны с Пакистаном и поддерживаются не всей оппозицией, и многими внутри Афганистана считаются агентами Пакистана. Отчасти поэтому положительный итог этих переговоров вряд ли возможен. Военные не могут принести в зону племен политическое решение конфликта и не могут предложить долгосрочный план развития экономики племен.

Рамазан Дауров, заместитель директора Института востоковедения РАН, отметил, что традиционного военного наступления в Афганистане не происходит, единства политики у движения Талибан не наблюдается, нет единства и в официальных структурах. Ученый отметил положительную роль России, которая продолжает развивать интеграцию со странами Центральной Азии, создавая ЕАЭС. По его словам, пространство Центральной Азии может стать для России ключом в развитии экономики, а идея сопряжения ЕАЭС и

китайского проекта «Шелковый путь» должна серьезно анализироваться экспертным сообществом.

Директор Аналитического Центра ИМИ МГИМО (У) *Андрей Казанцев* заявил, что угрозы безопасности стран Центральной Азии гетерогенны. С одной стороны, существенную роль играют внутренние факторы, в том числе связанные с экономическим кризисом, с другой стороны, есть угрозы вербовки сторонников ИГ. Существенные угрозы безопасности в виде разного рода экстремистских группировок сконцентрированы на границе с Туркменистаном.

С этим тезисом согласился *Никита Медкович*, глава Евразийского аналитического клуба. По его словам, ситуация на границе Туркменистана и Афганистана действительно непредсказуема, особенно с учетом того, что государство и общество в Туркменистане носят очень закрытый характер. Однако, по его мнению, в настоящее время эта ситуация вряд ли катастрофична. Таджикистан пока является лидером по безопасности границ. Также относительно стабильна ситуация на границе с Узбекистаном – в силу как ее малой протяженности, так и хорошего финансирования и состояния ВС Узбекистана. Тем не менее, возможность наземного проникновения тех или иных вооруженных групп из Афганистана через сухопутные участки наземных границ стран Центральной Азии является, по его словам, остается одной из угроз безопасности в данном регионе. Вторая угроза – возможность въезда террористов по настоящим или фиктивным документам с целью реализации долгосрочных целей: создания террористических ячеек или подготовки теракта. Третья угроза – наркотрафик. Что касается ИГ, или Даиш, то его роль в Афганистане, по мнению Н.Медковича, не стоит преувеличивать.

На конференции также выступил член Совета Федерации *Игорь Морозов*. Госдума и Совет Федерации РФ активизировали свою работу на межпарламенском афганском треке – как на двусторонних площадках, так и на площадке Парламентской ассамблеи СНГ. По его словам, перспективы удержания власти президентом Афганистана очень сложные. Идут переговоры «четверки» -- Китая, США, Пакистана и Афганистана, с подключением талибов. Предлагается или создать коалиционное правительство, или передать часть полномочий на места, чтобы талибы прекратили боевые действия. Однако афганские парламентарии говорят, что это просто утопия. Талибан выступает против иностранного вмешательства и наличия любых иностранных войск на своей территории. Это противоречие лежит в основе афганского переговорного процесса, а значит, результата быть не может. Член Совета Федерации видит выход из этой ситуации в привлечении к переговорному процессу России, Индии и Ирана.

С последней точкой зрения был согласен сотрудник посольства Афганистана в России *Наджибулла Шинвари*. Он рассказал о шести факторах дестабилизации Афганистана: (1) действиях террористической организации Аль-Каида; (2) появлении ИГ, или Даиш, в Афганистане; (3) деятельности групп террористов из центральноазиатских республик и кавказских регионов в Афганистане; (4) активности пакистанских талибов; (5) вмешательстве Пакистана во внутренние дела Афганистана, оказании им поддержки террористам; (6) действиях афганских талибов.

Советник директора Российского института стратегических исследований *Елена Супонина* согласилась, что не надо преувеличивать роль Даиш в Афганистане и сообщила, что Даиш появилось в Афганистане в 2015 г., когда

18 апреля был совершен двойной теракт в Джелалабаде. Эксперт считает, что Даиш в Афганистане имеет единую идеологию, но не имеет единого командования и источника финансирования. Угроза новая, но и преувеличивать ее не стоит, считает Е.Супонина. В основном, полагает она, мы имеем дело все с теми же афганцами, а не наемными иностранцами. Да, боевики Даиш в Сирии, которые чувствуют реальную опасность, будут пытаться найти себе убежище в других частях ближневосточного региона, а также в других регионах, включая Средний Восток. По оценкам американского командования, в Афганистане, в частности, от одной до трех тысяч вооруженных сторонников Даиш.

С идеей активизации роли России в Афганистане не согласен полковник в отставке, представитель Военного университета *Олег Кулаков*. По его словам, вооруженная оппозиция в Афганистане насчитывает около 40 тысяч человек, а представителей ИГ – пять–шесть тысяч. СССР в свое время боролся с группировкой в 120–140 тысяч человек. На его взгляд, сейчас происходит гиперболизация той угрозы, которая исходит от Афганистана. Складывается впечатление, что нас пытаются отвлечь от каких-то других угроз, утрируя афганскую тематику. Поэтому включение России в переговорный процесс, который идет в рамках «четверки», преждевременно. Также, по его словам, долгое время Россия недооценивала фактор наркотической угрозы, хотя доход от продажи наркотиков оставался источником финансирования оппозиционных группировок в Афганистане. Любые масштабные проекты и вовлеченность России в Афганистане вынудят ее определенно принять исключительно одну сторону в афганском конфликте. Что, по словам О.Кулакова, нежелательно.

М.В.Старчак